

А. И. ОВЧАРЕНКО

О «Несвоевременных мыслях» М. Горького*

Время перестройки ознаменовывается в развитии нашей культуры переоценкой многих ценностей, пересмотром старых, подчас казавшихся незыблемыми положений.

Ничто нам не требуется сегодня в такой степени, как самое бережное обращение с документами, причем с документами, взятыми в их взаимосвязанности и связях со временем, их породившим, взятыми, как нынче говорят, «в контексте эпохи». Такой подход не дал бы возможности кое-кому из мнимых «прорабов перестройки» поднимать руку на классиков советской литературы, упрекая их в упрощенном изображении жизни, а иногда видя в некоторых из них чуть ли не столпов сталинского режима.

Уже не щадят Маяковского, Есенина, Шолохова. Жалкое место в сознании современного человека хотят отвести Горькому. Следует оговориться, что подчас не без вины горьковедов, замкнувших великого писателя XX века в узкие рамки, ограничившие общечеловеческое значение его произведений. Кажется, что уже в вину ему ставится то, что его творчество было согрето верой в чистоту и правду идеалов социализма. Будто не история распорядилась так, что эти идеалы оказались более далеки от своего осуществления, чем это было предусмотрено мыслителями конца XIX — начала XX века.

Отсюда несколько скептическое отношение современного интеллигента к автору повести «Мать». Отсюда же и возникает нежелание более глубоко ознакомиться с его творчеством.

Между тем давно пришло время заново прочитать Горького, дать подлинно научное истолкование его наследия, не обходя «предусмотрительно» и того, что до недавнего времени именовали ошибками, досадными оговорками, описками, сбоями в жизни и творчестве великого писателя. Их не следует превращать в новоявленные достоинства, как уже начинают делать некоторые торопливые авторы, быстрее всех откликающиеся на перестройку и в этой области. Но от «чистой» правды,

* Впервые: Литературная газета. 1988. № 37 (5207). 14 сентября.

пусть и негативной, что скрывается за так называемыми «ошибками» и «изгибами» Горького, отмахиваться не нужно.

Давно ждут своего истолкования «Несвоевременные мысли» — публицистические произведения Горького, печатавшиеся с апреля 1917 по июнь 1918 г. в газете «Новая жизнь». Долгое время не только толковать статьи из этого цикла, но и упоминать их было большой смелостью. Этот цикл статей — своеобразная летопись революции, дневник (естественно, очень субъективный) перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Я не принадлежу к тем метеорам перестройки, что готовы в отношении к Горькому сменить все плюсы на минусы и, наоборот, готовы объявить те же «Несвоевременные мысли» чуть ли не самым главным в творчестве великого писателя. Но я не могу не сказать, что Горький, которого некоторые наши современники готовы изобразить охранителем и чуть ли не певцом сталинского культа, предстает и в этой книге фигурой трагической в своей любви к России и в постоянной боли за нее. Его «Мысли» становятся в один ряд с такими, когда-то шельмовавшимися произведениями, как «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и «Дневник писателя» Достоевского. Именно «Несвоевременные мысли» показывают, что Горький видел революцию со всей ее сложностью, жестокостью, безумством братоубийственной бойни, а вместе с тем и робко брезжащей надеждой на рождение государства добра и справедливости.

Можно считать, что в «Несвоевременных мыслях» уже заложены начала различных линий правдивого отражения развития революции в России. Это и трагический «Тихий Дон», и не скрывающие действительной сложности русской революции произведения Зазубрина, Бабеля, Тарасова-Родионова, Артема Веселого, Вячеслава Шишкова. А также «Чевенгур» Платонова, «Доктор Живаго» Пастернака. Да, автор «Несвоевременных мыслей» не всегда правильно воспринимал происходящее. Но с этих не понятых своим временем страниц Горький встает перед нами в полный рост, величественный в своем страдании, бесстрашный в своей борьбе, трагический в своих заблуждениях.

Революция предполагает свободу слова, свободу печати. Горький уделяет постоянное внимание вопросу гласности, используя ее возможности в полной мере и подвергаясь за это постоянным угрозам, вплоть до угрозы убийства. Бесстрашие его основано на глубоком убеждении в том, что «свободная пресса должна бы развивать в себе чувство уважения к личности», избегать «личных выпадов в полемике».

Понимание Горьким гласности как свободы слова, а не «свободы искажения правды», «свободы клеветы» отличается ответственностью, заботой о духовном здоровье нации. Он с презрением отвергает заигрыванье с обывателем, стремление потрафить его вкусам и интересам. Поэтому он с горечью говорил о «каких-то бесстыдниках»,

которые в первые дни революции «выбросили на улицу кучи грязных брошюр... из придворной жизни», возбуждающих в людях «все темные инстинкты», о неумении русской прессы пользоваться свободой слова. Он размышляет о том, что «нет толковой, объективно-поучающей книги, и расплодилось множество газет, которые изо дня в день поучают людей вражде и ненависти друг к другу, клеветают, возятся в пошлейшей грязи, режут и скрежещут зубами, якобы работая над разрешением вопроса о том, кто виноват в разрухе России?» «Свободное слово» постепенно становится неприличным словом» (31 мая / 13 июня 1917 г.)

29 июня / 12 июля 1917 г. размышляя о «педагогическом» значении «свободного слова», Горький задает вопрос: «А не захлебнемся ли мы в грязи, которую так усердно разводим?»

Но он отвергает и демагогическую практику Зиновьева, утверждавшего, что «осуждая творимые народом факты жестокости, грубости и т.п.», Горький тем самым «чесет пятки буржуазии» (статья от 9 апреля / 27 марта 1918 г.), считая, что такая демагогия может только развратить рабочих.

Горький, используя гласность, не боялся говорить то, что он считал правдой и о ходе революции, и о ее вожжах, и даже о самом народе.

Безоговорочно осудив монархию, заявив, что «наследство, оставленное революции монархией ужасно», Горький связал с революцией надежды на завершение ненавистной войны, уничтожение насилия над личностью, строительство новой культуры. Однако в «Несвоевременных мыслях» Горький утверждал: при данных условиях социалистическая революция в России преждевременна, губельна для рабочего класса и передовой интеллигенции, обреченных на уничтожение среди не подготовленной к социальному переустройству жизни крестьянской стихии. «В современных условиях русской жизни», — писал он, — нет места для социальной революции, ибо нельзя же по щучьему велению сделать социалистами 85% крестьянского населения страны, среди которых несколько десятков миллионов инородцев-кочевников». Он считал, что социалистической революции должен предшествовать период культурного строительства, создания условий для духовного возрождения народа, «развития интеллектуальных сил страны».

Исходя из этого, он не соглашался с теми, кто путь к возрождению видел в углублении и расширении русской революции, в подъеме ее на следующий этап развития. В этом споре главным оппонентом Горького был В. И. Ленин. Спор достиг критической точки в решающие дни Октябрьской революции. Надо признать, нашему народу дорого обошлось то, что не все позитивные уроки для революции были извлечены из сомнений и колебаний Горького, порождавшихся сомнениями и колебаниями целых слоев народа на крутом историческом повороте. Писатель мучительно переживал свое расхождение с основными направлениями социал-демократической мысли. Трагедия

«несвоевременности» обобщается самим писателем в статье «О полемике» (25 апреля/8 мая 1917 г.): «Уже 17 лет я считаю себя социал-демократом, по мере сил моих служил великим задачам этой партии, не отказывая в услугах и другим партиям, не брезгуя никаким живым делом. Люди, которые деревенеют и каменеют под давлением веры, исповедуемой ими, никогда не пользовались моими симпатиями. Я могу теоретически любоваться их строгой выдержанностью, но я не умею любить их.

Скажу более: я считаю себя везде еретиком. В моих политических взглядах, вероятно, найдется немало противоречий, примирить которые не могу и не хочу, ибо чувствую, что для гармонии в душе моей, — для моего душевного покоя и уюта, — я должен смертью убить именно ту часть моей души, которая наиболее страстно и мучительно любит живого, грешного и — простите — жалкенького русского человека».

Для Горького разумный и правильный ход революции немислим без сопутствующего ей с первых шагов строительства культуры, основой которой является, по его мнению, уважение к личности.

«Великое счастье свободы не должно быть омрачено преступлениями против личности, иначе — мы уьем свободу своими же руками». Или: «Если не способны, если не можем отказаться от грубейших насилий над человеком — у нас нет свободы».

Другой ипостасью культуры для великого писателя на протяжении всей его жизни был труд. Через все «Несвоевременные мысли» проходит забота о воспитании уважения к труду, горечь от пока не осуществляемой революцией перестройки человека в его отношении к труду:

«Наше спасение — в труде, да найдем мы и наслаждение в труде». Или: «Мир создан не словом, а деянием, это прекрасно сказано, и это неоспоримая истина».

Какие же стороны русской жизни 1917–1918 годов вызвали принципиальное несогласие Горького?

Писатель с горечью замечал, что «все дурное, что есть в человеке... особенно ярко и богато разрастается именно на почве политической борьбы (20 апреля/3 мая 1917 г.). Это, безусловно, спорное и опровергнутое художественной практикой самого Горького утверждение вызвано страшными картинами насилия, вошедшими в русскую жизнь вместе с Первой мировой войной и революцией. Горьковские описания разрушенных деревень, оскорбленных женщин и погибших детей, замученных жертв истории, сопоставимы с «Предчувствием гражданской войны» Сальвадора Дали.

С болью в сердце писатель видел, как к революции примазываются любители поживиться за счет ее, козыряющие своим происхождением и примитивно понятой идеей о всеобщем равенстве.

2/15 мая 1917 г. он протестует против отправки в окопы сорока трех артистов, «культурно-ценных людей», позднее он рассказывает,

как гибнут от голода те, кто представляет культурные силы страны: «И с чем мы будем жить, израсходовав свой лучший мозг?»

В этих статьях Горький продолжает свою великую миссию борьбы за охрану и построение культуры, которой он отдал всю свою жизнь. Он первым забил в колокола, видя расхищение художественных национальных ценностей как русскими, так и иностранными поклонниками лозунга «Грабь награбленное!». Он сообщал о 20 миллионах долларов, предназначенных Америкой для скупки «национальных сокровищ России — прекрасных цветов ее художественного творчества», требуя издания акта о запрещении вывоза их из страны, о запрете распродажи частных коллекций.

В течение нескольких месяцев внимание писателя по преимуществу сосредоточилось на отрицательных сторонах развития революции. Очень сложным было отношение Горького к Ленину и его сподвижникам. 10/23 ноября 1917 г. в одной из самых резких статей — «Вниманию рабочих», давая отрицательную характеристику большевикам, Горький, несмотря на то что и к Ленину в то время относился критически, считает нужным оговориться: «Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы: двадцать пять лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он является одною из наиболее крупных и ярких фигур международной социал-демократии»...

Но автор «Матери» осуждал «анархо-коммунистов и фантазеров из Смольного», относившихся, по его мнению, к России как к «материалу для опыта», и предостерегал против «жестокого и заранее обреченного на неудачу опыта».

17/30 января 1918 г. писатель сообщил, как «матрос Железняков, переведя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей».

Не исключено, что аресты таких людей, как прогрессивный издатель Сытин и др., заставляли Горького в особенности реагировать на подобные заявления.

Горький в статье от 6 июня/24 мая 1918 г. рассуждает о двух типах революционеров: о вечном революционере и революционере на время. Характеристика «вечного революционера» напоминает слова Сатина о Человеке и гимн Человеку из одноименной поэмы. Отдавая должное идеалу «вечных революционеров», которых на земле было не так много, Горький развенчивает «революционеров на время». Весьма возможно, что за этой характеристикой стоят конкретные лица, он и называет их, когда речь заходит о Троцком, Зиновьеве. «Революционер на время, для сего дня, — человек, с болезненной остротой чувствующий социальные обиды и оскорбления — страдания, наносимые людьми. Принимая в разум внушаемые временем революционные идеи, он, по всему строю чувствований

своих, остается консерватором, являя собой печальное, часто трагикомическое зрелище существа, пришедшего в люди как бы нарочно для того, чтобы исказить, опорочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого культурное, гуманитарное, общечеловеческое содержание революционных идей.

Он прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли, даже за то, что некогда он сидел в тюрьме, был в ссылке, влачил тягостное существование эмигранта...

Люди для него — материал, тем более удобный, чем менее он одухотворен. Если же степень личного и социального самосознания человека возвышается до протеста против чисто внешней, формальной революционности, революционер сего дня угрожает протестантам карами, как это делали и делают многие представители очерченного типа».

Остается только удивляться глубине политического предвидения Горького и сопереживать трагедии Человека, никогда не ставившего под сомнение социалистический идеал, всегда считавшего сознательного рабочего «аристократом демократии» и вынужденного обратиться с предостережением к людям, готовым превратить Россию в опытное поле. Грустно читать его размышления об отношении России к Европе (16/3 марта 1918 г.): «Вожди народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленьев костер, огонь которого осветил бы западный мир, тот мир, где огни социального творчества горят более ярко и разумно, чем у нас, на Руси... А западный мир суров и недоверчив. Он совершенно лишен сентиментализма. В этом мире дело оценки человека стоит очень просто: вы любите, вы умеете работать? Если так — вы человек, необходимый миру, вы именно тот человек, силою которого творится все ценное и прекрасное... А так как россияне работать не любят и не умеют и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то — нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем».

Особая грань «Несвоевременных мыслей» — это рассуждения Горького о русском народе. Он никогда не заискивал перед своим народом, а, будучи плотью от плоти его, считал себя вправе смело говорить обо всех «исторических грехах» его.

Как в художественном изображении, так и в публицистической оценке Горького русский народ отличается большей сложностью и противоречивостью, чем даже у Толстого, Достоевского, Чехова, и выступает в более объективном освещении. Сердце художника обливалось кровью от сознания того, что его народ в силу исторических причин не выработал органической любви к труду, умения доводить начатое дело до конца, что его национальная психика неустойчива. Писатель сказал немало горьких слов о своем народе. Опровергнуть их могло только время. Находя объективные причины многому из отрицательного, писатель не снимал вины с самого народа:

«Бесспорно, что Русь воспитывали и воспитывают педагоги, политически еще более бездарные, чем наш рядовой обыватель. Неоспоримо, что всякая наша попытка к самостоятельности встречала уродливое сопротивление власти, болезненно самолюбивой и занятой исключительно охраной своего положения в стране. Все это — бесспорно, однако, следует, не боясь правды, сказать, что и нас похвалить не за что. Где, когда и в чем за последние годы неистовых издевательств над русским обществом в его целом — над его разумом, волей, совестью, — в чем и как обнаружило общество свое сопротивление злым и темным силам жизни? Как сказало его гражданское самосознание, хулигански отрицаемое всеми, кому была дана власть на это отрицание? И в чем, кроме красноречия и эпиграмм, выразилось наше оскорбленное чувство собственного достоинства?»

Немного позже, заявляя, что он никогда не был демагогом и не будет им, Горький, обвиняя жестокие условия, по вине которых народ не мог быть иным, добавлял: «И надо удивляться, что при всех этих условиях, народ все-таки сохранил в себе немало человеческих чувств и некоторое количество здравого разума».

В некогда опальной горьковской книге затрагивается и крестьянский вопрос. Есть здесь полные извечного недоверия строки о русской деревне, якобы «органически враждебной психике, идеям и целям городского пролетариата», о «медвежьих объятиях», русского крестьянства, от которых может зареветь рабочий класс (записи от 9 апреля / 27 марта 1918 г.) Подобное мнение вызывает тем большее сожаление, что судьба русского крестьянства оказалась в дальнейшем намного более трагичной, чем судьба пролетариата. Но здесь же с участием и печалью он говорит о необходимости помочь деревне, живущей в ужасных условиях.

Противоречия его мысли и чувств особенно выявились в этой беспощадной критике своего народа и безоглядной любви к нему. «Я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ». Говоря о недостатках русского народа, он хорошо знал и о его огромных достоинствах.

Не обошел Горький и национальные проблемы, в том числе так называемый «еврейский вопрос».

Горький не боялся затрагивать самые болезненные аспекты жизни не только в «Несвоевременных мыслях», но и в письмах и других своих выступлениях. Он упорно твердил, осуждая любые проявления национализма, в том числе и антисемитизм, что «нигде не требуется столько такта и морального чутья», как в отношении русских к другим народам, населяющим бывшую Российскую империю, и, наоборот, этих народов к явлениям русской жизни». Думается, что эта строгая объективность, эта мысль своевременна и в наши дни.

Уже с конца 1917 года все больше появляется в статьях Горького тема рождения Новой России — «в эти дни чудовищных противоречий

рождается Новая Россия» (31 декабря / 13 января 1918 г., с которой возникает оптимистическая перспектива в его публицистике: 13 мая 1918 г. он обращается к матерям России, надеясь, что именно женщинам суждено смягчить жестокости русской жизни и понять, что рождение нового общества так же, как и рождение человека, неизбежно сопровождается муками.

«Большевики? — спрашивает писатель. — Представьте себе, — ведь это тоже люди, как все мы, они рождены женщинами, звериного в них не больше, чем в каждом из нас. Лучшие из них — превосходные люди, которыми со временем будет гордиться русская история, а ваши дети, внуки будут и восхищаться их энергией... большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбудив во всей массе активное отношение к действительности, без которого наша страна погибла бы.

Она не погибнет теперь, ибо народ — ожил и в нем зреют новые силы, для которых не страшны ни безумия политических новаторов, слишком фантазированных, ни жадность иностранных грабителей, слишком уверенных в своей непобедимости».

В заключение следует сказать, что Горькому была близка тютчевская мысль: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!» Вместе со своей страной писатель пережил трагедию, ибо крушение вековых жизненных устоев не может не быть отмечено чертами трагичности. Но эта трагедия причиняла ему не только страдания. Вместе со всем народом он очищался в огне революции и приобщался к самым возвышенным чувствам, ибо «трагедия наиболее возбуждает чувство, пафос трагедии наиболее легко вырывает человека из грязных сетей быта, наконец, трагедия гуманизирует. Лицемерие трагического не может не поднять восприимчивого зрителя над хаосом будничного... подвиги героев трагедии являют собой зрелище исключительное, праздничное зрелище игры великих сил человека против его судьбы» (4 июня / 22 мая 1918 г.)

«Несвоевременные мысли» позволяют нам лучше увидеть Горького — трибуна, проповедника и старателя земли русской — и придают его образу дополнительное величие.

Придет время — и заново перечитают все созданное великим писателем, не исключая и 20 тысяч его писем (и примерно 50 тысяч писем от его читателей), рассмотрят конкретно каждый микроэлемент, не скрывая ничего из творческой вселенной Горького.

(17–20 июля 1988 г.)

